

СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.6>

UDC 811.163.1:81'373.612
LBC 81.416.1-20

Submitted: 09.01.2026
Accepted: 20.03.2026

SEMANTIC AND MORPHEMIC MODULATION IN THE OLD SLAVONIC TRANSLATED TEXT

Nataliya G. Nikolaeva

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Abstract. The article analyzes the processes underlying semantic and word-formation variation in the Old Slavonic translated text, namely semantic and morphemic modulation. Both types of transformations are considered as a phenomenon of translated text based on the material of various translations of John Damascene's *Theology*. Semantic modulation is shown during the period of the formation of the concept in its volume (the translation by John the Exarch of Bulgaria) and at the stage of clarifying its content (the translation by Princes Kurbsky and Obolensky). The dynamics of this process and its relation to semantic variation (a means) and semantic loan translations (a mechanism) are traced. The author proposed a morphemic modulation hypothesis. Morphemic modulation is shown in relation to the process of parallel formation as an alternative to loan translation. The analysis takes into account the influence of the source text, chronological differences that led to a number of specific objective changes in the language, and the translator's linguistic personality factor. However, the research strategy is not to emphasize objectively existing differences, but to highlight the common features that characterize the specifics of the analyzed phenomena. The conclusion is made about how these phenomena of the text can eventually be implemented in the paradigmatics of language.

Key words: semantic modulation, morphemic modulation, loan translation, Old Church Slavonic translation, John Damascene.

Citation. Nikolaeva N.G. Semantic and Morphemic Modulation in the Old Slavonic Translated Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 69-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.6>

УДК 811.163.1:81'373.612
ББК 81.416.1-20

Дата поступления статьи: 09.01.2026
Дата принятия статьи: 20.03.2026

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И МОРФЕМНАЯ МОДУЛЯЦИЯ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ

Наталья Геннадьевна Николаева

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируются процессы, лежащие в основе семантического и словообразовательного варьирования в древнеславянском переводном тексте, – семантическая и морфемная модуляция. Оба типа трансформаций рассматриваются как феномен переводного текста на материале разновременных переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина. Семантическая модуляция показана в период формирования объема понятия (перевод Иоанна экзарха Болгарского) и на этапе уточнения его содержания (перевод князей

Курбского и Оболенского). Прослежена динамика этого процесса и отношение его к семантической вариантности (средство) и семантическому калькированию (механизм). Автором предложена гипотеза морфемной модуляции. Морфемная модуляция показана в соотношении с процессом возникновения параллельных образований как альтернативы структурного калькирования. При анализе учитываются влияние иноязычного текста-источника, хронологические различия, обусловившие ряд частных объективных изменений в языке, фактор языковой личности переводчика. Однако стратегия исследования состоит не в том, чтобы подчеркнуть объективно существующие различия, но чтобы выделить общее, что характеризует специфику изучаемых явлений. Делается заключение о том, как данные феномены текста в итоге могут быть реализованы в парадигматике языка.

Ключевые слова: семантическая модуляция, морфемная модуляция, калькирование, древнеславянский перевод, Иоанн Дамаскин.

Цитирование. Николаева Н. Г. Семантическая и морфемная модуляция в древнеславянских переводных текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 69–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.6>

Введение

Теория семантического словообразования, сформулированная В.М. Марковым [Марков, 1981] и разработанная его учениками и единомышленниками [Русское семантическое словообразование, 1984; Николаев, 1987; Семантическая деривация..., 2003; и др.], восходит к идее А.А. Потебни, а затем и Л.В. Щербы, которую кратко можно сформулировать как «одно слово – одно значение». По классическому определению Потебни, «слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, то есть каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения» [Потебня, 1874, с. 4]. Предполагается, таким образом, что с развитием нового значения у слова как звукового комплекса возникает и новое слово, произведенное на базе имеющегося, но обладающее иным значением (см. также: [Щерба, 1974, с. 290–291]).

Это научное направление, которое, в сущности, отрицает полисемию как явление, противоречащее основополагающей формуле Потебни – Щербы, до сих пор остается предметом научных дискуссий и принимается далеко не всеми специалистами в области словообразования. Теория В.М. Маркова, имеющая глубокое философское основание и убедительную аргументацию, представляет собой, на наш взгляд, некий рамочный конструкт, который, как любое значительное научное явление, не только требует дополнительного теоретического осмысления и последовательного методологического претворения в практику, но и не исключает, а скорее, даже предполагает

дальнейшее свое развитие и уточнение. Таким важным уточнением является идея С.П. Лопушанской различать семантическую деривацию и семантическую модуляцию [Лопушанская, 1988; 1996]. Обобщая учение о семантической модуляции, можно сказать, что она «...отличается от семантической деривации тем, что она не затрагивает ядерных признаков, объединяющих слова в функционально-семантическое поле, не выводит слово за рамки исходной лексико-семантической группы и исходного синонимического ряда» [Горбань, Шептухина, 2011, с. 10]. Эта идея, имеющая, на наш взгляд, большой научный и методологический потенциал, способная сблизить ранее кажущиеся непримиримыми позиции, призванная решить частные проблемы лексикографии, хотя и была высказана достаточно давно, к сожалению, не получила должного распространения в научной среде. Теорию семантической модуляции не учитывают авторы современных обзоров проблемы семантического словопроизводства [Павловская, Пузикова, 2018; Щербакова 2005]; А.М. Камчатнов, сторонник позиции В.М. Маркова, в своем изложении сути семантического словообразования сам весьма близко подходит к этой идее, но останавливается, не доведя свои рассуждения до логического завершения [Камчатнов, 2022, с. 130–131].

Кроме общетеоретического значения, идея семантической модуляции имеет потенциал в сфере переводной письменности и литературы, как в диахроническом, так и синхроническом ключе. Работая с переводными древнеславянскими текстами, мы уже высказывали мысль о том, что семантическая

модуляция имеет отношение к семантическому калькированию, и предположили также, что, наряду с ней, существует и параллельное явление в морфемном словопроизводстве – морфемная модуляция, коррелирующая с калькированием структурным, но не ограниченная только им [Николаева, 2022, с. 130].

В настоящей статье мы намерены рассмотреть оба вида модуляций, определить их место в лексике и словообразовании переводного текста, показать отношение этого феномена к калькированию, обосновать параллелизм морфемной модуляции и словообразовательной синонимии как феноменов текста и языка соответственно.

Материал и методы

Материалом для анализа семантической и морфемной модуляции в переводном древнеславянском тексте нам послужат два перевода богословского сочинения преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры» (известного также под кратким названием «Богословие») – первый, выполненный в X в. Иоанном экзархом Болгарским (самый ранний дошедший список принадлежит XII–XIII вв.), и следующий за ним спустя несколько столетий перевод XVI в. князей Андрея Курбского и Михаила Оболенского (между XII и XVI вв. появлялись списки, нередко заметно отредактированные, но новых переводов не было).

Выбор материала обусловлен следующими факторами. Во-первых, «Богословие» Иоанна Дамаскина – один из немногих памятников, перевод которых осуществлялся несколько раз на протяжении нескольких веков в *Slavia Orthodoxa*, так что он имеет хорошо прослеживаемую текстологическую преемственность. Во-вторых, указанные переводы выполнены с разных языков: источником для экзарха Иоанна послужил исконный греческий текст, а Курбский и Оболенский переводили с его латинского перевода. В-третьих, переводы значительно отстоят друг от друга в хронологическом смысле и представляют территориально разные изводы древнецерковнославянского: болгарский экзарх принадлежал к Преславской книжной школе – Курбский со товарищи, будучи представителями Московской Руси, в

эмиграции не избежали юго-западно-русского языкового влияния и интерференции польского языка, что делает их перевод весьма своеобразным. Однако наша задача вместе с тем состоит не в том, чтобы подчеркнуть отличия этих переводов (их наличие несомненно и обусловлено объективными факторами), а чтобы проанализировать общие семантические и словообразовательные процессы, им сопутствующие.

Фактор переводного характера исследуемых текстов определяет специфический ракурс исследования семантической и морфемной модуляций, представляя лишь определенный сектор их функционирования, с одной стороны, и при этом, с другой стороны, в связи с наличием исходного (переводимого) текста как основы сравнения и опоры в определении семантики слова в переведенном тексте позволяет более наглядно представить сущность обоих явлений.

Методы исследования традиционны: сопоставительный, описательный, а также частные приемы, такие как словообразовательный анализ, анализ текста. Принципиально новым в отношении методики является направление анализа и описания в первой его части: если большинство исследований такого рода исходит от слова греческого оригинала как структурно-семантического комплекса к его частным воплощениям в вариантах переводного текста (ономасиологический подход), то в данной работе будет преобладать противоположное направление – от слова древнеславянского текста, которое может передавать разные лексические единицы исходного текста (семасиологический подход).

Переводы изучаются по немецким критическим изданиям рукописных текстов с лексикографическим аппаратом в серии *Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris* (Des hl. Johannes..., 1967–1983; *Die Dogmatik...*, 1995). При цитировании указываются листы рукописей, которые легли в основу данных изданий.

Результаты и обсуждение

Семантическая модуляция

Как мы уже отметили, до сих пор большинство исследований переводных древнеславянских (церковнославянских) текстов

с фокусом на технике и искусстве перевода применяет ономаσιологический подход при работе с лексической вариативностью, то есть фиксацию и анализ соотношений слова исходного текста (в большинстве случаев – греческого) и его славянских соответствий. Этот метод продуктивен как для частных описаний языковых памятников, так и для их критического издания. Основательно исследованное В. Ягичем [Jagić, 1913, S. 266–421], явление лексической вариативности снова становится объектом теоретического осмысления в трудах как отечественных, так и зарубежных историков языка в последней четверти XX в. [Верецагин, 1972; Жуковская, 1976; Hansack, 1981], и с тех пор оно справедливо считается неотъемлемой приметой переводного церковнославянского текста любой эпохи.

Однако представляется полезным и перспективным и обратный, семасиологический подход – изучение славянских слов, имеющих целый комплекс соответствий в языке исходного текста. Таковую вариативность можно было бы назвать семантической, а исследование ее обогатило бы лексикографическую практику, поскольку его направление, по сути, повторяет логику словарной статьи.

Особенно перспективно в этом плане изучение прототерминов – слов, получающих особый статус в силу их употребления в специальном тексте, в процессе накопления объема понятия (ментализация) и расширения содержания понятия (идеация). Термины *ментализация* и *идеация* были в таком контексте предложены и обоснованы В.В. Колесовым, он же определил хронологические рамки процессов [Колесов, 2002, с. 398–399], исходя из которых перевод Иоанна экзарха Болгарского относится к первому периоду формирования понятия, когда слово получает новые предметные значения, а версия князей Курбского и Оболенского – ко второму, с его превалированием метафоры как основного средства разработки новых созначений.

Если в этом отношении рассмотреть один из основополагающих терминов философско-религиозного текста, каковым является трактат Дамаскина, – термин *бытие*, то мы должны будем констатировать следующее.

Словом *бытие* экзарх Иоанн передает греческие термины ὑπαρξις ‘бытие, существо-

вание’, γένεσις ‘рождение, творение, происхождение’, субстантивированные инфинитивы τὸ γενέσθαι ‘становление’ и τὸ εἶναι ‘бытие’ и причастия от последнего глагола. Например: *якоже радѣма зане еликоже имать оцѣ то сего юсть развѣ нерожьства имѣже нѣсть знати соуцѣствоу различьства ни сана, нѣ образъ бытѣю* (ὑπάρξεως) (л. 63 – 63 об.); *а естъства бытии* (γένεσις), *растеньице, тля, садове, животи* (л. 195); *не сы прежде того оцѣ, тѣ възврати ся ѿ небытѣя* (ἐκ τοῦ μὴ εἶναι) *в бытии* (εἰς τὸ γενέσθαι) (л. 53 об.); *свѣратьноу же юсть, еже ѿ небытѣя* (τὸ ἐκ μὴ ὄντων) *въ бытѣе* (εἰς τὸ εἶναι) (л. 200) и т. п.

Семантический объем термина в этом переводе вполне соответствует тому, что описан в (Срезневский, 2003, стб. 210; СлРЯ XI–XVII, с. 367), и передает идею существования в статике и динамике (εἶναι и γενέσθαι).

В переводе XVI в. содержание понятия *бытие* расширяется. Частично это происходит по той причине, что данный перевод является переводом как бы второй степени, то есть он производился с латинского текста, который в свою очередь был переводом с греческого; к тому же он представляет собой полное переложение трактата Дамаскина (100 глав), в то время как болгарский экзарх перевел лишь самое важное (48 глав). Однако, несмотря на то, что князья-переводчики вполне могли бы использовать какие-то иные лексические единицы, они останавливаются все на том же эквиваленте *бытие*. Это слово передает латинские *beneficium* ‘благоедеяние, милость; здесь в значении предлога посредством’, *causa* ‘причина’, *creatio* ‘сотворение’ (= γένεσις), *ens* ‘сущее’ (= τὸ ὄν), *esse* ‘быть’ (τὸ εἶναι), *existentia* ‘существование’ (ὑπαρξις), *fieri* ‘становиться’ (τὸ γενέσθαι), *generatio* ‘происхождение’ (= γένεσις), *Genesis* ‘Бытие (название книги Священного Писания)’, *suppositum* ‘ипостась (калька с греческого ὑπόστασις)’. Как мы видим, большинство эквивалентов коррелируют с греческими. *Genesis*, название книги Писания, встречается и в переводе экзарха Иоанна. Остаются три эквивалента, которые отличают перевод XVI в.: *beneficium*, *causa*, *suppositum*. Первый и последний связаны с особенностями латинского перевода. Так, греческое διὰ φωνῆς προφερόμενον «произносимое голосом» в латинском усложняется до *vocis beneficio prola-*

tum, что можно передать как «произнесенное посредством голоса». Ср. в первом переводе (ни) *гласомъ приносима* (л. 43 об.) и в переводе XVI в. (ни) *гласа бытиемъ изреченно* (л. 7 об.), что можно трактовать как «произнесенное наличием голоса». В другом случае латинский текст дополняет текст оригинала словом *suppositum*, которое является структурной калькой слова ὑπόστασις, видимо, для лучшего разъяснения сложного богословского рассуждения о природе, личности и ипостаси в отношении Троиственного Бога, и это добавленное слово всякий раз переводится как *бытие* – трижды в приведенном ниже фрагменте: *іжъ едінаково глѣють естество і ипостась, **бытіе** и ліце...* и далее: *общиі оубо відъ многихъ разлічныхъ составовъ, **бытіа** же едінымъ наричемъ естество, едіное оубо **бытіе**, сіреч, едіно імѣюще естество, і во двоу совер'шен'ныхъ естествахъ, в' двіи глѣю і тгѣле* (л. 69).

Для нас же наибольший интерес представляет третий случай, когда слово *бытие* передает латинское *causa* ‘причина’ (греч. αἰτία), которое обычно в церковнославянском переводится как *вина*: [о рождении Христа] *едіно ото отѣца прежде вѣкъ, преж **бытіа**, і глѣаніа і времені, і естества* (л. 76); [о почитании Отца] *і яко началу і **бытію** (principium et causam) самымъ собою оному честъ подающе* (л. 109 об. – 110). Соответствие термина *бытие* латинскому *causa* (среди десяти его значений, представленных в словаре (Дворецкий, 1976, с. 165), значения существования нет, стержневой семой остается ‘причина, основание’) расширяет содержание понятия. В этом случае можно говорить о семантической модуляции, которая не затрагивает категориальной семы и не выводит слово за пределы его функционально-семантического поля, но модифицирует основное значение, дополняя его созначением, присутствующим как основное в латинском *causa*. Можно заметить также, что такое дополнение не является абсолютно новым для термина *бытие*, потому как его греческое соответствие γένεσις в полном спектре своих значений имеет и такие – ‘первоисточник, первоначало’ (Дворецкий, 1958, с. 318), каковые не актуализируются в изучаемом памятнике, но заложены в потенции слова.

Похожие ситуации приращения смысла встречаются и в первом переводе. Так, на-

пример, греческое субстантивированное перфектное причастие от глагола συμβαίνω ‘сходиться; случаться’ συμβεβηκός переводится как *съшьствие*: *тъма же юсть не соуцьство чѣто, нѣ **съшьствие**, свѣта бо юсть лишенье* (л. 131 об.). В иных случаях слово *съшьствие* имеет прямое значение ‘нисхождение’: *пакы възведе ны къ семоу неизглаголанымъ **съшьствиемъ** (συγκатаβάσεως)* (л. 238 об.). Составители словоуказателя к изданию перевода Иоанна экзарха Болгарского зафиксировали эти словоупотребления как два разных слова (Des hl. Johannes..., Bd. 4, 1983, S. 213). На наш взгляд, это одно и то же слово с признаками семантической модуляции: значение слова *съшьствие* ‘случай, ситуация’ можно интерпретировать как сложение обстоятельств (*обстоятельства сошлись*). Косвенно о связи словоупотреблений *съшьствие* в значении ‘случай’ и в значении ‘схождение’ говорит тот факт, что греческие эквиваленты этимологически восходят к одному глаголу βαίνω ‘идти’. Заметим, что в переводе XVI в. *съшьствие* в значении συμβεβηκός не употребляется, а заменяется более привычным нам словом *случаи*.

Приведенные здесь примеры (*бытие* – *causa* и *съшьствие* – συμβεβηκός) можно рассматривать как семантические кальки. Семантическая калька в синхроническом срезе является семантической модуляцией слова под влиянием иноязычного источника. Но, как только модуляция произошла, слово, обогащенное новым содержанием, имеет очень короткое время для своей адаптации в воспринимающем языке. Встает вопрос, сохранит ли оно свой семантический объем независимо от иноязычного источника или останется лишь феноменом конкретного текста. В наших случаях не произошло закрепления контекстного содержания терминов, обусловленного соотношением с оригинальным текстом. Однако нужно отметить, что семантическое калькирование – вообще явление достаточно редкое. Семантическая модуляция как феномен текста происходила значительно чаще, но могла не получать своего развития и не становится на основе регулярного употребления фактором языка в том или ином конкретном случае. Ранее мы писали, что «семантическое калькирование в тексте явилось в какой-то мере

прообразом семантического словообразования в языке, которое начинает развиваться только после распада семантического синкретизма в связи с появившейся возможностью переноса значений и образования вместе с тем новых лексических единиц» [Николаева, 2009, с. 129]. Уточним, что, если семантическая деривация как явление языка в своем полноценном виде действительно появляется позже, после окончательного распада семантического синкретизма, то семантическая модуляция как явление текста возникает в самых ранних памятниках древнеславянского языка и поддерживается той семантической диффузностью, которая была характерна для того периода как наследие синкретизма и условие перехода к конкретизации смыслового содержания слова.

Морфемная модуляция

Частным проявлением лексической вариативности переводного текста является вариативность словообразовательная, которая представляет собой поиск словообразовательной формы в ситуации флуктуации словообразовательных значений. Такую структурную подвижность слова логично рассматривать как морфемную модуляцию – явление, параллельное модуляции семантической и обусловленное теми же факторами: общей семантической диффузностью, пластичностью славянского слова, влиянием текста-источника. Морфемная модуляция, по предложенному нами определению, есть «изменение морфемного состава слова при сохранении понятийного ядра и (необязательно, но возможно) словообразовательной соотнесенности» [Николаева, 2022, с. 130].

Если мы остановимся на том же термине *бытіе*, на примере которого мы иллюстрировали проявление семантической модуляции, то в переводе Иоанна экзарха Болгарского мы обнаружим словообразовательный вариант *быть*: *самъ же юсть начало и вина бытью, и якоже быть юстьствѣмъ вѣмъ* (л. 71 об. – 72). При этом *бытью* и *быть* передают одно и то же греческое *τοῦ εἶναι* (во втором случае, точнее, *τοῦ πῶς εἶναι* – *якоже быть*, то есть «образ бытия»). Л. Садник, издатель перевода, на основании более поздних списков дает здесь конъектуру *якоже быти*

(Des hl. Johannes..., Bd. 1, 1967, S. 145), в то время как И.И. Срезневский признает *быть* полноценным словом и включает его в свои «Материалы», иллюстрируя двумя примерами из Иоанна экзарха Болгарского – «Богословия» (приведенный фрагмент) и «Шестоднева» (Срезневский, 2003, стб. 211). Если следовать за Срезневским (а мы склоняемся к его версии), мысль Дамаскина обретает новое звучание: в оригинале – Сам (Бог Отец) является по природе началом и причиной бытия и образа бытия всего (сущего); в переводе – Бог является по природе началом и причиной бытия и образом бытия всего (сущего). Такое переосмысление вполне в духе болгарского экзарха и не противоречит переводческим принципам того времени, но вписывается в сформулированную С. Матхаузеровой «открытую теорию перевода» [Матхаузерова, 1976, с. 37], предполагавшую возможность переосмысления переводимого материала в рамках средневековых переводческих установок.

В переводе Курбского – Оболенского мы также обнаружим морфемную модуляцию основного термина *бытіе* – это слово *бытство*. Характерно, что производящим для этого слова являлось, по всей видимости, исчезнувшее *быть*, которое использовал экзарх Иоанн, но само слово *быт(ь)ство* фиксируется не только у Курбского – оно входит в словарный фонд церковнославянского языка с XIV в. (СДРЯ XI–XIV, с. 350) и, по нашим наблюдениям, функционирует как термин в богословских текстах. Модуляция *бытство* имеет те же латинские соответствия, какие являются основными для слова *бытіе*, – *ens, esse, existentia* (последнее – чаще всего). Например: *достойне і бѣгоу слово составляти, ізятіемъ вѣсѣхъ понеже нечесоуж сѣмъхъ естъ которые соутъ: не яко небытство (non ens), но яко вси бытства (entia) превозходѣтъ, і над самое бытство (esse) сѣи (ens) (л. 5 об.); оноє бо вѣмъ бытіе (esse) <...> подаєтъ: і оно єсть бытствѣ (entium) бытство (esse), і живущіхъ животъ, і разумныхъ бытствѣ (entium) разоумъ, і мысленныхъ смыслъ (л. 25 об.); ібо оноє слово плотъ бытъ почато отъ двѣ, оупреждающе і пріятіемъ бѣгъ, і она оужє отъ него обѣженъ на яко бы трєми соделавшімісѣ въ коупе со произведєніемъ онаго ко бытію (esse), пріятіемъ, бытствомъ (existentia), і обѣженіемъ*

онаго от слова (л. 84); *ібо і тогда тѣло і дша по томоу от начала во слове іпостаси мѣлі бытство* (*existentiam*) (л. 112 – 112 об.) и т. п.

Как мы видим, *бытство* иногда употребляется в тесном контексте со словом *бытіе*. В случае, когда они переводят одно и то же слово (*esse*), они являются лексическими вариантами. В данном примере (л. 25 об.) расхождение в переводе *esse* обусловлено эстетикой текстопостроения, чтобы максимально реализовать повтор (*бытствѣ бытство*). Сложнее и интереснее пример с л. 84, где мы тоже обнаруживаем контактное употребление *бытіе* и *бытство*, у которых разные латинские эквиваленты (*esse* и *existentia* соответственно), но мы помним, что *esse* могло переводиться как *бытство* (см. л. 25 об.), а *existentia* как *бытіе* (в продолжение рассуждений о Богородице на л. 84: *и такъ разоумѣти і гл҃ати достоитъ бѣоу двоу, не токмо слова ради естества, но і обжєніа ради члчскіе плоти, іхже вкоупе зачатіе і бытіе* (*existentia*) *предѣвнымъ дѣломъ соделалѣса*). Здесь нет, на наш взгляд, явных причин выбора того или иного варианта, нет влияния содержания, не прослеживаются текстообразующие факторы, но тем отчетливее мы замечаем, как функционируют и взаимодействуют семантическая и морфемная модуляции в границах одного текстового единства.

Морфемная модуляция может быть представлена и более развернутыми рядами. Так, в первом переводе такие ряды образуют словообразовательные варианты: *слоуга* – *служѣньникъ* – *служитель*; *тварь* – *творитво* – *творение*; *благодѣ* – *благота* – *благыни*; *чоувитво* – *чоувѣство* – *чоувѣствіе* и т. п. Соотношение этих слов и их греческих эквивалентов внутри ряда может быть различное: эти эквиваленты могут повторяться у славянских слов одного ряда, как правило, они при этом однокорневые, но они могут также и не совпадать. Так, *слоуга* имеет эквивалентом греческое *λεῖτουργός* ‘слуга, рабочий’, *служѣньникъ* – это перевод греческого *ὑποσπῆστις* ‘соратник, помощник’, а *капищемъ служитель* соответствует композиту *εἰδωλολάτρης* ‘идолопоклонник’; слово *тварь* имеет целый ряд соответствий сходного значения, однокорневых и неоднокорневых, – *κτίσμα*, *κτίσις* ‘творение, создание, основание’, *κόσμος* ‘(тварный) мир’, *δημιουργία* ‘творение’, *творитво* переводит слово *ποιότης*,

а *творение* – это и *κτίσμα* (см. *тварь*), и *πρῶγμα* ‘(сотворенная) вещь’; *благодѣ* – эквивалент греческих *τὸ ἀγαθόν* ‘благо’ и *ἀγαθότης* с тем же значением, *ἀγαθότης* – это также и *благота*, а *благыни* переводит слово *μακαρίότης* ‘блаженство’ и т. д. и т. п.

Как мы видим, картина весьма разнородна, но если мы рассматриваем приведенные ряды слов как факт древнеславянского текста без опоры на текст исходный, то мы должны констатировать, что члены одного ряда имеют одно производящее слово и передают общие значения либо лица, либо абстрактного качества, действия и т. п.: *слоуга* – *служѣньникъ* – *служитель* < *служити* (значение лица по действию); *тварь* – *творитво* – *творение* < *творити* (значение действия и его результата); *благодѣ* – *благота* – *благыни* < *благѣ* (значение абстрактного качества) и т. д. Присоединение к производящей основе разных аффиксов одного словообразовательного значения и есть морфемная модуляция как проба разной словообразовательной формы, которая в дальнейшем приведет к уточнению значения и спецификации типа. Первые примеры такой дифференциации встречаются и в этом переводе. Так, в ряду *сласть* – *сладость* – *сладѣство*, соотносимых с адъективом *сладѣкъ*, *сласть* и *сладость* переводят греческое *ἡδονή* ‘удовольствие, наслаждение’ (овеществленное качество), а *сладѣство* – *ὑλκότης* ‘сладость (как свойство)’ (абстрактное качество) без смешения и пересечений соответствий. Однако в условиях семантической диффузности вряд ли можно констатировать семантическую трансформацию в сфере этих образований. Они остаются словообразовательными вариантами.

Вообще процесс дифференциации (а значит, подключения семантических преобразований) проходил крайне медленно. Косвенным свидетельством этого может служить перевод XVI в., в котором *сладкость* переводит латинское *dulcedo* ‘сладость как свойство’, *сласть* – *voluptas* ‘наслаждение’, а *сладость* в этом переводе имеет оба значения (и к тому еще *voluntas* ‘желание’ и *voluptarium* ‘наслаждение’). И в современном русском языке внутренняя форма слова *наслаждение* сохраняется весьма прозрачной.

В целом можно констатировать значительное уменьшение морфемной модуляции

в переводе XVI в., как и уменьшение словообразовательной вариативности в принципе. В сравнении с материалом текста первого перевода здесь таких примеров значительно меньше: *безоумие* – *безоумство*, *дѣйство* – *дѣйствие*, *единение* – *единство* – *единось*, *отвѣтъ* – *отвѣщание* (sic), *ядь* – *ядение*, *отстоупъ* – *отстоупление* и некоторые другие. Причин такого сокращения несколько. Это причины и общего характера: укрепляются связи между словом как звуковым комплексом и его значением, завершается спецификация словообразовательных типов. Это и частные факторы: сокращается продуктивность нулевой суффиксации и одновременно ее представленность в текстах высокой жанровой принадлежности, заметно влияние не только языка исходного текста (латинского), но и языка окружающего социума (Курбский и Оболенский занимались переводом в эмиграции).

Отметим кратко, что морфемная модуляция вернется в переводные церковнославянские тексты в XVIII в. в связи с архивизирующей тенденцией и продолжит свое существование до переводов нашего времени, воплощаясь в окказионализмах, призванных передать витийство византийского богословия.

В разделе о семантической модуляции мы писали о связи этого явления с семантическим калькированием. Логично было бы предположить, что морфемная модуляция имеет отношение к калькированию структурному. Да, безусловно, это так, но на обсуждаемом материале это не столь очевидно, потому как структурное калькирование проявляет себя ярче всего в словосложении, а «Богословие» содержит достаточно умеренный и традиционный набор композитов, объем которого не позволяет подробно рассмотреть эту проблему. В среде же суффиксальных образований мы встречаем больше не структурных калек, а, по выражению К. Троста, параллельных образований (Parallelbildungen), которые хоть и соотносятся с греческими соответствиями структурно, но образованы самостоятельно, на основании заложенных в языке потенций, посредством внутриязыковых словообразовательных процессов, которые в славянском и греческом в основном имеют общие принципы. Значение славянского слова, эквивалентное греческому значению слова-образца, обусловлено вну-

триязыковым деривационным процессом, так что и значение славянского слова обусловлено более не греческим источником, а языковым закономерностям внутри собственного языка [Trost, 1978, S. 256–257]. В качестве примера таких параллельных образований с морфемной модуляцией можно привести пару *благость* и *благота* с соответствием ἀγαθότης: и славянские слова, и греческое суть отадъективные имена, образованные с помощью суффиксов абстрактного значения, так что в результате они приобретают значение абстрактного качества.

Выводы

Развивая идею С.П. Лопушанской о семантической модуляции как речемыслительном процессе, мы выдвинули гипотезу о существовании морфемной модуляции, которая заключается в варьировании словообразующего форманта при сохранении производящей базы и словообразовательного значения. Семантическую и морфемную модуляции мы рассмотрели применительно к специфической сфере – древнеславянскому богословскому тексту в синхроническом и диахроническом аспектах. В результате мы пришли к следующим выводам.

Семантическая и морфемная модуляции являются средством, которым достигается семантическая и словообразовательная вариативность как частное проявление вариантности, имманентного свойства любого древнеславянского (церковнославянского) переводного текста. Наша работа намечает перспективу исследований этого фрагмента текстологии, поскольку до сих пор акцент делался на лексической вариативности, в то время как семантическая вариативность не менее интересна и значима для понимания смысловых трансформаций текста и преобразования синтагматически обусловленных отношений в языковую парадигматику вследствие перехода количества однотипных явлений в характеризующее качество.

Семантическая и морфемная модуляции в тексте данного типа неизбежно связаны с фактором исходного языка и текста, с которого совершается перевод. Они дают импульс этим модуляциям, и в этом отношении модуляции становятся механизмом калькирования.

Семантическая модуляция – это проявление механизма семантического калькирования, но сам процесс (модуляция) в переводном тексте более широко представлен и не обязательно приводит к результату – кальке. Семантическая модуляция – неотъемлемый феномен средневекового текста (и в большинстве случаев остается в его границах). Через калькирование модуляционное созначение может, однако, закрепиться в слове, если калька адаптируется в языке. Семантическая модуляция продуктивнее в первых древнеславянских переводах, нежели в последующих, что обусловлено семантической диффузностью в этих текстах завершающего этапа распада семантического синкретизма, который в религиозном тексте в принципе сохраняется дольше и имеет значение для его содержания и поэтики. Там она способствует формированию объема понятия.

Морфемная модуляция соотносится не столько со структурным калькированием, сколько с явлением параллельных образований, особенно распространенных в сфере аффиксации (в то время как калькирование более связано со сферой словосложения). Морфемная модуляция, как и семантическая, поддерживается в тексте связью с иноязычным источником, но зависит также от продуктив-

ности того или иного словообразовательного типа, баланса словообразовательной формы и словообразовательного значения.

Будучи феноменом текста, семантическая и морфемная модуляции всегда неизбежно испытывают влияние и субъективного фактора – языковой личности создателя текста (переводчика), включающей его происхождение и образование, индивидуальные языковые предпочтения, воздействия языковой среды, которая его окружает, его целеполагания.

Семантическая и морфемная модуляции иногда вступают в сложные отношения и, будучи в самом общем плане явлениями одного порядка, несомненно, оказывают друг на друга взаимное влияние.

Семантическая и словообразовательная вариативность средневекового текста в конечном итоге так или иначе воздействует на формирование парадигматических отношений языка. Если семантическая модуляция приводит к своему пределу – смене категориальной семы, то в результате деривационного акта возникают омонимы. Если морфемная модуляция получает регулярный характер, не меняя при этом словообразовательного значения и сохраняя связь с общей производящей основой, то это ведет к возникновению словообразовательных синонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин Е. М., 1972. Из истории возникновения первого литературного языка славян. В 2 ч. Ч. 2. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 199 с.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2011. Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 153, кн. 6. С. 7–15.
- Жуковская Л. П., 1976. Текстология и язык древнейших славянских памятников. Москва : Наука. 368 с.
- Камчатнов А. М., 2022. Введение в изучение русского исторического словообразования : учеб. пособие. Москва : Директ-Медиа. 300 с.
- Колесов В. В., 2002. Философия русского слова. Санкт-Петербург : ЮНА. 448 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменения семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Марков В. М., 1981. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та. 32 с.
- Матхаузерова С., 1976. Древнерусские теории искусства слова. Praha : Univerzita Karlova. 145 с.

- Николаев Г. А., 1987. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 152 с.
- Николаева Н. Г., 2009. К вопросу о роли калькирования в истории русского словопроизводства // *Folia linguistica rossica* 5 : Język – Kultura – Historia. Łódź : Wydawnictwo UŁ. С. 127–134.
- Николаева Н. Г., 2022. Словообразовательные стратегии выражения невыразимого в диахронии текста славянских Ареопагитик // Слово и текст в синхронии и диахронии : сб. ст. К 95-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 121–133.
- Павловская О. Е., Пузикова Г. В., 2018. Проблемы понимания сущности семантической деривации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 4 (70), № 2. С. 217–231.
- Потебня А. А., 1874. Слово и предложение : Введение в теорию. Харьков : Унив. тип. 128 с.
- Русское семантическое словообразование : сб. тр., 1984 / под ред. В. М. Марков [и др.]. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та. 153 с.
- Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной : межвуз. сб. науч. тр., 2003 / под ред. Б. И. Осипова. Омск : ОмГУ. 135 с.
- Щерба Л. В., 1974. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука. 428 с.
- Щербакова Н. Н., 2005. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема // Омский научный вестник. № 4 (33). С. 230–235.
- Hansack E., 1981. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. Jg. 26, № 1. S. 15–36.
- Jagić V., 1913. Entstehungsgechichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung. 540, XII S.
- Trost K., 1978. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen : Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. München : Wilhelm Fink. 381 S.

ИСТОЧНИКИ

- Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes : in 4 Bd. / hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden : Otto Harrassowitz ; Freiburg i. Br. : U.W.Weier, 1967–1983.
- Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / hrsg. von J. Besters-Dilger. Freiburg i. Br. : Weiher, 1995. 928 S.

СЛОВАРИ

- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 526 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва : Рус. яз., 1976. 1096 с.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 1. Москва : Рус. яз., 1988. 511 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. Москва : Наука, 1975. 371 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 1. Москва : Знак, 2003. 1419 стб., 49 с.

REFERENCES

- Vereshchagin Je.M., 1972. *Iz istorii vozniknovenija pervogo literaturnogo jazyka slavjan. V 2 ch. Ch. 2. Varjирование sredstv vyrazhenija v perevodcheskoj tekhnike Kirilla i Meфodija* [From the History of Formation of the First Standard Language of Slavs. In 2 Pts. Pt. 2. Variation of Means of Expression in the Translation Technique of Cyril and Methodius]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 199 p.
- Gorban O.A., Sheptukhina Je.M., 2011. *Lingvisticheskiye idei professora S.P. Lopushanskogo v kontekste sovremennyj nauchnoj paradigmy* [Linguistic Ideas of Professor S. P. Lopushanskaya in the Context of the Modern

- Scientific Paradigm]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Kazan Journal of Historical, Linguistic and Legal Research], vol. 153, book 6, pp. 7-15.
- Zhukovskaja L.P., 1976. *Tekstologija i jazyk drevnejshikh slavyanskikh pamjatnikov* [Textology and Language of the Most Ancient Slavic Manuscripts]. Moscow, Nauka Publ. 368 p.
- Kamchatnov A.M., 2022. *Vvedenije v izuchenije russkogo istoricheskogo slovoobrazovanija: ucheb. posobie* [Introduction to the Study of Russian Historical Word Formation. Handbook]. Moscow, Direkt-Media Publ. 300 p.
- Kolesov V.V., 2002. *Filosofija russkogo slova* [Philosophy of Russian Word]. Saint Petersburg, YuNA Publ. 448 p.
- Lopushanskaja S.P., 1988. Izmenenija semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v protsesse moduljatsii [Changes in the Semantic Structure of Russian Non-Prepositional Verbs of Movement in the Process of Modulation]. *Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [Russian Verb (In Comparative Aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaja S.P., 1996. Semanticheskaja moduljatsija kak rechemyslitel'nyj protsess [Semantic Modulation as a Speech-Thinking Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6-13.
- Markov V.M., 1981. *O semanticheskom sposobe slovoobrazovanija v russkom jazyke* [To the Semantic Method of Word Formation in Russian]. Izhevsk, Izd-vo Udmurt. un-ta. 32 p.
- Matkhauzerova S., 1976. *Drevnerusskije teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of the Word Art]. Praha, Univerzita Karlova. 145 p.
- Nikolajev G.A., 1987. *Russkoje istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation. Theoretical Problems]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta. 152 p.
- Nikolajeva N.G., 2009. K voprosu o roli kalkirovanija v istorii russkogo slovoproizvodstva [To the Problem of Loan Translation in the History of Russian Word Formation]. *Folia linguistica rossica 5. Język – Kultura – Historia*. Łódź, Wydawnictwo UŁ, s. 127-134.
- Nikolajeva N.G., 2022. Slovoobrazovatel'nye strategii vyrazhenija nevyrazimogo v diakhronii teksta slavyanskikh Areopagitik [Word-Formation Strategies for Expressing the Ineffable in the Diachrony of the Text of Slavic Areopagitica]. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii: sb. st. K 95-letiju so dnja rozhdenija Sofii Petrovny Lopushanskoi* [Word and Text in Synchrony and Diachrony. On the 95th Anniversary of Sofia Petrovna Lopushanskaya]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 121-133.
- Pavlovskaja O.E., Puzikova G.V., 2018. Problemy ponimaniya sushchnosti semanticheskoi derivatsii [Problems of Understanding the Essence of Semantic Derivation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologičeskije nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], vol. 4 (70), no. 2, pp. 217-231.
- Potebnja A.A., 1874. *Slovo i predlozhenije. Vvedenije v teoriju* [Word and Sentence. Introduction into Theory]. Kharkov, Univ. tip. 128 p.
- Markov V.M., Troitskij V.I., Jeselevitsch I.E., Nikolajev G.A., eds., 1984. *Russkoje semanticheskoe slovoobrazovanie: sb. tr.* [Russian Semantic Word Formation. Collection of Works]. Izhevsk, Izd-vo Udmurt. un-ta. 153 p.
- Osipov B.I., ed., 2003. *Semanticheskaja derivatsija i jeje vzaimodejstvije s morfeimnoj: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Semantic Derivation and Its Interacting with Morphemic. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Omsk, OmGU. 135 p.
- Shcherba L.V., 1974. *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ. 428 p.
- Shcherbakova N.N., 2005. Semanticheskoe slovoobrazovanie kak lingvističeskaja problema [Semantic Word Formation As a Linguistic Problem]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Herald], no. 4 (33), pp. 230-235.
- Hansack E., 1981. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes. *Die Welt der Slaven*, Jg. 26, no. 1, S. 15-36.
- Jagić V., 1913. *Entstehungsgechichte der Kirchenslavischen Sprache*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung. 540, XII S.
- Trost K., 1978. *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen: Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*. München, Wilhelm Fink. 381 S.

SOURCES

Sadnik L., Hrsg. *Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd.* Wiesbaden, Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br., U.W. Weiher, 1967–1983.
Besters-Dilger J., Hrsg. *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurb-skij (1528–1583).* Freiburg i. Br., Weiher, 1995. 928 S.

DICTIONARIES

Dvoretskij I.Kh. *Drevnegrechesko-russkij slovar. V 2 t. T. 1* [The Old Greek-Russian Dictionary. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1958. 526 p.
Dvoretskij I.Kh. *Latinsko-russkij slovar* [The Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1976. 1096 p.
Slovar drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.). V 10 t. T. 1 [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th c.). In 10 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1988. 511 p.
Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1 [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c. Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1975, iss. 1. 371 p.
Sreznevskij I.I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka. V 3 t. T. 1* [Materials for an Old Russian Language Dictionary. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Znak Publ., 2003. 1419 cols., 49 p.

Information About the Author

Nataliya G. Nikolaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Latin Language and Medical Terminology, Kazan State Medical University, Kazan, Russia, natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

Информация об авторе

Наталия Геннадьевна Николаева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия, natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>